

ИЗ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА ДОЛГОВА

доктор исторических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;
e-mail: medievalis@list.ru

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ

доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Социология и наука о народном хозяйстве (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»)

УДК: 303.632.3

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-42-55

Статья и сопровождающая ее публикация архивных документов посвящена уточнению места и значения политической экономии в творческом наследии Н.И. Кареева (1850–1931). Обращение Кареева к политэкономии было обусловлено как его историческими исследованиями, так и необходимостью обосновать методологический статус социологии, синтезирующей достижения прочих общественных дисциплин. Позиции политической экономии характеризуются Кареевым в связи с ее соотношением с двумя методологическими подходами, реализуемыми в социальных науках, — феноменологическим и номологическим. Делается вывод о том, что подход Кареева отличается противоречивостью и непоследовательностью. С одной стороны, он симпатизирует либеральным установкам английской политэкономии,

а с другой стороны, как историк понимает ценность «историзма» (традиция отечественного консервативного либерализма). Кареев сознает опасность редукционизма, в частности, представленного в экономическом материализме. Преодолеть его, по мнению ученого, способен плюралистический метод социологии, рассматривающий развитие общества в качестве производной множества факторов. Статью сопровождает публикация архивных документов — фрагмента шестой главы неизданной работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». Текст печатается по рукописи Н.И. Кареева, выявленной в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Ключевые слова: исследование народного хозяйства, политическая экономия, позитивизм, научная дедукция, редукционизм, экономический материализм, многофакторность.

Николая Ивановича Кареева (1850–1931) можно считать универсальным ученым-гуманитарием. Он был крупнейшим специалистом по всеобщей истории, в частности, истории Нового времени и Французской революции, теоретиком и методологом науки, одним из первых социологов в России. В историографию отечественной науки Кареев вошел как убежденный последователь позитивизма, проводник и популяризатор новой положительной науки об обществе — социологии. Социология, полагал Кареев, позиционирует себя как синтезирующая наука, опирающаяся на факты и обобщения, достигнутые в частных социальных дисциплинах, в том числе в исследованиях народного хозяйства.

Развитию экономических знаний Кареев уделял значительное место в своих исторических и социологических исследованиях. В конкретных исторических работах, прежде всего в главном своем труде — семитомной «Истории Западной Европы в Новое время», он постоянно обращался к истории философских и научных идей, рассматривал особенности и эволюцию мировоззрения различных исторических эпох. Историю политико-экономических учений Кареев затрагивал и в других своих произведениях — «Введении в изучение социологии» (1897), «Общих основах социологии» (1919), наконец в написанных, но так и не изданных в последние годы его жизни работах «Общая методология гуманитарных наук» и «Основы русской социологии». Книга «Основы русской социологии» была опубликована лишь в 1996 г., а «Общая методология гуманитарных наук» не издана до сих [Долгова, 2012]. На сегодняшний день опубликованы лишь фрагменты этой книги [Долгова, Малинов, 2017а, б]. Ее рукопись, в том числе набранные типографским способом главы, сохранилась в фонде ученого в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки [НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39]. Фрагмент ее текста публикуется ниже.

В перечисленных работах Кареев внимателен к вопросу о месте политической экономии в ряду наук об обществе и ее отношении к социологии. Его рассуждения о методологических аспектах науки о народном хозяйстве (например, о статистическом методе) разбросаны по разным главам «Общей методологии...», несколько параграфов содержится в шестой главе, которая называется «Теоретические гуманитарные науки». Конечно, Кареев не был экономистом или историком экономических учений в строгом смысле этого слова. Обращение к экономическим теориям было для него средством показать эволюцию знаний об обществе в различные исторические эпохи. Современный исследователь вполне справедливо может не согласиться с оценками и интерпретациями Кареева, счесть его изложение неполным или предвзятым. Кареев и сам признавал неустранимость субъективной точки зре-

ния в исторических науках. Взгляды русского ученого на развитие экономических учений отчасти отражают уровень науки его времени и исследовательские предпочтения самого Кареева, согласно которому политическая экономия входит в круг общественных наук, обобщением которых занимается социология. Предмет социологии, таким образом, распадается на ряд предметов частных дисциплин, прежде всего, правоведения, государствоведения и политэкономии. В них устанавливаются факты, в то время как задача социологии — формулировать общие законы социальной жизни. Социология, в терминах Кареева, является наукой номологической. Однако это не означает, что конкретные социальные дисциплины не имеют своих методов и приемов исследования.

Явные параллели его рассуждениям в «Общей методологии гуманитарных наук» содержатся и в других работах ученого. Так, в «Общих основах социологии» есть глава «Взаимные отношения политики, экономики и права в общественной жизни» [Кареев, 1919, с. 84–111]. Кареев указывал на единство социальной жизни, в которой экономика, политика и право различаются лишь как области исследований. На практике же политические, экономические и правовые явления тесно связаны и соотносимы друг с другом. «Право и государство, — писал он, — понятия несоизмеримые, так как принадлежат категориям различных порядков. Государство относится к разряду индивидуальных коллективностей, состоя из отдельных людей <...> тогда как право, подобно языку, все в действии. Адекватным праву понятием в государстве является понятие власти <...> Власть заключается в пользовании властью, которое и есть властвование, как право осуществляется правомерным деланием, а язык сводится к отдельным актам речи. Такое делание в хозяйственной сфере жизни носит название труда. Таким образом, юридическому понятию права соответствует политическое понятие власти и экономическое понятие труда» [Кареев, 1919, с. 101].

Как видно, политическая экономия интересовала Н.И. Кареева не сама по себе, а как часть исторических и социологических исследований. Неслучайно поэтому он писал: «Политическая экономия с самого начала получила характер положительной науки» [Кареев, 1897, с. 142]. В ней ученый увидел предпосылки того нового научного воззрения на общество, которое полнее всего раскрылось в социологии. Именно политическая экономия подготавливала методологические изменения в науках об обществе. Следуя позитивистской интерпретации прогресса, Кареев воспринимал его как процесс интеллектуальный, как постоянное усовершенствование наших знаний о мире. Ученый был убежден, что становление положительной науки об обществе шло от абстрактных, умозрительных представлений к историческому изучению общества. Под историческим он подразумевал эмпирическое исследование, т. е. опирающееся на факты. Развитие политэкономической методологии он также рассматривал на примере истории науки о народном хозяйстве.

Сложившаяся в XVIII в. английская политэкономическая школа, отмечал он, опиралась на абстрактно-дедуктивное изучение общества. Она изначально отождествлялась с экономической теорией, а ее предметом считалось богатство общества. Политическая экономия была «обязана своими успехами именно дедуктивному методу. <...> В коей дедуктивный метод принял форму так называемого гипотетического метода» [Там же, с. 179]. Далее Кареев пояснял специфику этого метода: «Пользуясь гипотетическим методом, мы, так сказать, изолируем известную категорию явлений, принимая, что последние имеют в своей основе одну и ту же причину или вызываются действием одной и той же силы. Сама эта причина или

сила вовсе не является какой-то гипотезой. Напротив, такие науки, как, например, политическая экономия, опираются не на предположения, а на действительные факты. Гипотетичными здесь могут быть названы только выводы, отнюдь не посылки, которые, напротив, бывают добыты индуктивным путем. Изолируя действие какой-либо причины или силы, гипотетический метод ведет только к открытию того, что можно назвать законами стремлений: раз даны известные стремления, законы их будут действовать независимо от условий пространства и времени, но зато такие законы никогда не будут с совершенною точностью соответствовать действительности» [Там же, с. 182]. Политическая экономия является наукой рациональной, но не метафизической; она изучает факты хозяйственной деятельности и даже устанавливает законы, которые являются выводами из «массовых наблюдений». Таковы статистические закономерности, которые все равно остаются идеографическими, т. е. описательными, а не всеобщими и необходимыми. Область их применения существенно ограничена обстоятельствами места и времени. Если же мы выводим закономерности экономической жизни из мотивов человеческих поступков или «законов стремлений», например, таких как эгоизм, либо симпатия, то погружаемся в потемки человеческой души, которые находятся в ведении психологии.

Различая науки феноменологические и номологические, Кареев фактически подразумевал и два методологических подхода, реализуемые в социальных науках. Можно заметить, что в учении Кареева феноменологический (исторический) метод, т. е. описание явлений, и номологический, устанавливающий законы явлений, находят соответствие экзотерическому и эзотерическому методам в классической политэкономии [Сорокин, 2015, с. 11]. Классическая школа политэкономии оставалась формой теоретического осмысления хозяйственной деятельности, практически не выходя за пределы дедуктивных умозаключений. «Поскольку политическая экономия оперирует сущностными категориями, — пишет А.А. Пороховский, — постольку ее основным методом является метод научной абстракции, дополненный диалектическим взаимодействием количества и качества, единства и борьбы противоположностей. Выявлению количественных параметров и пропорций помогают математические методы анализа» [Пороховский, 2019, с. 357]. «Политическая экономия Адама Смита, равно как и его предшественников — физиократов, возникла в эпоху господства анти-исторической философии естественного права», — заключал Кареев в одном из исторических курсов [Кареев, 1916, с. 388].

Еще один важный момент — аспект взаимодействия политической экономии с историей. В XIX в. историография и, шире, историческая точка зрения оказала значительное влияние на развитие социальных наук. История стала уникальным ракурсом изучения социальной проблематики [Щедрина, Пружинин, 2019, с. 7]. На «исторической почве» произошло сближение общественных наук. «В XVIII веке, — уточнял Кареев, — теоретически изучали разные стороны культурной и социальной жизни человека, — например, язык и литература, право и народное хозяйство, — без всякого отношения к их историческому развитию и даже без достаточного исторического материала. <...> XIX век отказался от такой точки зрения и от соответствующего ей метода мысли, выдвинув вперед идею исторического изучения и в смысле привлечения к исследованию фактического материала из разных времен, и в смысле рассмотрения культурных и социальных явлений, представленных этим материалом, в их историческом развитии. Можно сказать, что если XVIII столетие называют веком философским, то XIX в. следует обозначить, как век истории» [Кареев, 1916,

с. 895–896]. Так возникло историческое направление в политической экономии. «В середине XIX столетия, — продолжал Кареев, — вообще произошло сближение между политической экономией и исторической наукой, которая до того времени одна от другой стояли очень далеко. Это сближение заключается в том, что экономисты стали работать над историческим материалом с исторической точки зрения и историческим методом, а историки обратили особое внимание на экономические явления народной жизни» [Там же, с. 907].

Историческое направление в политической экономии, указывал Кареев, сложилось в Германии вслед за исторической школой права. У истоков его стоял В. Рошер, который «поставил для науки новую задачу — изучение взаимной связи истории форм народного хозяйства и экономических учений. <...> Рошер вводил в науку требование объективизма, так как исторический метод не позволяет абсолютно порицать или восхвалять какие бы то ни было хозяйственные учреждения» [Там же, с. 389]. В этом духе действовал и Б. Гильдебранд. К концу XIX в. историческое направление окончательно утвердилось в науке в форме историзма. По словам А.М. Руткевича, «центральное положение историзма безусловно восходит к немецкому романтизму — это тезис об уникальности и неповторимости исторических явлений, равно как и критическое отношение к “общечеловеку” хоть просветительских доктрин, хоть революционных конституций. <...> Человеческая история являет собой поток перемен, многообразие, которое не свести к формулам физико-математических законов, — плюрализм племен и народов, обычаев и верований. <...> Люди и народы творят себя сами — историзм унаследовал активизм романтиков, отказавшись только от эстетизации прошлого» [Руткевич, 2018, с. 28]. Историческое направление в науке о народном хозяйстве, таким образом, вписывалось в более широкое движение, идущее от романтизма, исторической школы права, теоретико-методологической рефлексии историков (Л. фон Ранке, И. Дройзен и др.) и новых философских учений (философии жизни, прежде всего).

Однако историческое направление в политической экономии не смогло выработать теории. «Ей удалось собрать громадный исторический материал, но, собственно говоря, он не подвергся настоящей методологической обработке, которая привела бы к какой-нибудь теории. <...> Внесение исторической точки зрения в юриспруденцию и политическую экономию было реакцией против исключительного господства абстрактной идеологии в обеих науках, но реакция эта стала заходить (особенно в историческом направлении политической экономии) слишком далеко, потому что наиболее рьяные сторонники историзма стали даже отрицать всякое научное значение за дедукцией, а между тем, без последней, конечно, трудно было прийти к выработке какой-нибудь определенной и последовательной теории. <...> Конечно, великая их заслуга заключалась в том, что они выставили на вид историческую относительность экономических форм и принципов, но они слишком злоупотребляли этим понятием относительности, прикрывая им отсутствие у себя определенной теории», — укорял историческое направление Кареев [Кареев, 1916, с. 896–897].

К его недостаткам русский ученый относил отсутствие теории («абстрактного метода»¹); консерватизм, т. е. оправдание настоящего «ссылками на то, что это

¹ «Например, крайние представители исторической школы в политической экономии иногда готовы были отрицать всякое значение за абстрактным рассуждением в этой науке» [Кареев, 1897, с. 167–168].

настоящее есть не что иное, как необходимый результат прошедшего» [Там же, с. 390]; обоснование устаревших хозяйственных форм. Историческое и теоретическое изучение народного хозяйства настолько разошлись, что их последователи, замечал Кареев, «обнаружили настоящую неспособность понимать друг друга» [Кареев, 1897, с. 155]. В то же время следует признать, что немецкая историческая (социально-историческая) школа была не альтернативой, а, скорее, продолжением и дополнением классической политической экономии [Щеголевский, 2011, с. 15–20].

Историческая школа нашла последователей в России (И.К. Бабст, А.И. Чупров, И.И. Иванюков, И.И. Янжул, И.М. Кулишер, А.А. Исаев), хотя они и не внесли ничего принципиально нового в разработку ее методологических оснований [Казанцев, 2004]. Историческое направление в политэкономии оказало влияние на учения М.М. Ковалевского, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова, сказалось в политической практике министров Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте и отразилось в публицистике М.Н. Каткова. По словам современного исследователя, «...влияние исторической школы дало сильный импульс развитию российской экономической мысли. Популярность этого направления объяснялась соответствием его теоретических установок экономическим традициям страны и особенностям национальной ментальности. Тезис о доминировании государства в экономике и инициативной роли монархии в преобразованиях отвечал надеждам общества на реформаторские потенции самодержавия, а “государственный социализм” понимался как попечительство “верховой власти” о своих подданных. <...> Труды немецких ученых внесли существенный вклад в формирование характерных черт отечественной экономической мысли: учет самобытности страны и иных, чем на Западе, отношений между государством и обществом; понимание особой роли государственной власти в экономической жизни; восприятие народного хозяйства в целом как национального феномена; поиск собственной модели социального рыночного хозяйства; признание приоритета общественного блага над индивидуальным, а социальных критериев над экономическими; преимущественный интерес к текущим экономическим проблемам и задачам правительственной политики. Влияние исторического направления способствовало выделению экономической истории в отдельную научную дисциплину, а также формированию отечественной школы финансового права» [Степанов, 2019, с. 169]. В целом следует признать, что немецкое научное и культурное влияние было определяющим для России второй половины XIX в., лучшие выпускники российских университетов, как правило, продолжали обучение в Германии, а авторитет немецких ученых, в том числе составляющих большинство в Петербургской Академии наук, редко подвергался сомнению.

Ожидаемой реакцией на теоретическую невнятность исторической школы в политэкономии, отмечал Кареев, стало «реалистическое направление», стремящееся не только к теоретическому осмыслению фактов прошлого, но и возвращающее науку к фактам современной жизни. Одним из таких учений была концепция, предложенная К. Марксом. В первом русском учебнике по социологии Кареев целую главу «Экономический материализм как социологическая теория» отвел изложению марксистского учения [Кареев, 1897, с. 82–97]. Итак, историческое направление не создало теории. Значение К. Маркса в науке о хозяйстве состоит в том, что, преодолевая ограничения историзма, он предложил экономическую теорию. «Общая теоретическая идея Маркса в данном вопросе, — пояснял Кареев, — заключается в том, что основу экономического развития составляет рост производительных сил

и что совершающиеся изменения в этих силах вызывают необходимым образом и изменения в формах производства, обмена и распределения продуктов, — изменения, в свою очередь, так сказать, перестраивающие взаимные отношения людей, участвующих в указанных процессах народного хозяйства. На этих отношениях и основывается существование определенных классов, между которыми происходит борьба за сохранение или за изменение существующих форм производства, обмена и распределения, так как эти формы являются для одних выгодными, для других, наоборот, невыгодными» [Кареев, 1916, с. 908]. Реалистическая сторона учения К. Маркса состояла в отказе от рассмотрения общества и прогресса как процесса идеального; материальное производство, а не духовная жизнь определяют ход общественного развития. «Важно было то, — писал Кареев, — что историческое изучение экономической эволюции на этот раз привело к цельному объяснению материального процесса, совершающегося в общественном развитии, и тем была устранена односторонность более ранних историологических концепций, сводивших всю социальную эволюцию к чисто идейным переменам» [Там же, с. 909]. В учении К. Маркса теория нашла свое оправдание в истории, а исторические факты получили концептуальное обоснование. «Социологическое значение экономического материализма заключается в том, что он явился необходимым дополнением к теории, слишком односторонне сводившей исторический процесс к одной идейной эволюции», — заключал ученый [Там же, с. 907].

Высоко оценивая экономическое учение марксизма, Кареев тем не менее неоднократно выступал с его критикой, которая заметна и в «Общей методологии гуманитарных наук» (§ 169), где он предъявляет экономическому материализму свои «существенные оговорки». Главная претензия Кареева к марксизму состоит в монокаузальности, т. е. одностороннем объяснении общества, редуцировании всех явлений социальной жизни к явлениям экономическим. «Экономический материализм гордится своим монизмом, сводя все к единому началу, — отмечал ученый в курсе по социологии, — но социальная жизнь как раз плюралистична, поскольку она возникла в порядке удовлетворения разных потребностей и инстинктов человеческой природы, поскольку это дало начало разным сторонам общественного бытия и поскольку все это вступило в сложные между собою взаимодействия и привело к еще большей плюралистичности социальных явлений» [Кареев, 1919, с. 108]. Историко-критической рефлексии Кареев подвергал и классовую теорию, отмечая, что «общественная власть и обычное право зародились еще до классовой дифференциации общества». Он указывал на то, что не все явления общественной жизни принимают классовый характер, развитие общества не обязательно приводит к обострению конфликтов, а, напротив, нередко побуждает к «известным соглашениям, ищущим некоторой политической и правовой равнодействующей» [Там же, с. 107].

В своем социальном учении К. Маркс не смог преодолеть старый грех классической политэкономии. Он пытался «построить социологию вполне по образцу абстрактной политической экономии» [Кареев, 1897, с. 182]. Любая теория обедняет действительность, на место сложных явлений ставит упрощенные схемы. Гипотетический метод, заимствованный К. Марксом из политэкономии, не учитывал сложность социальных явлений, их обусловленность множеством факторов. Этим и была главным образом вызвана критика со стороны Кареева. Предложенный же для анализа социальной и экономической жизни диалектический метод, как полагал русский ученый, и вовсе оказался неуместным. «Внутренней связи между вы-

ведением всех культурных и социальных явлений из экономической основы и употреблением диалектического метода решительно нет никакой. Другими словами, диалектический метод пристегнут к экономическому материализму чисто внешним образом» [Там же, с. 188]. Более того, Кареев полагал, что из экономического учения К. Маркса нельзя непротиворечиво вывести его же социологическую теорию примата экономических явлений, классовой борьбы и т. п. Он приходил к выводу, что «Маркс создал цельное экономическое учение, но если бы даже оно и было совершенно верно, из него никоим образом нельзя было бы извлечь подтверждения экономического материализма» [Там же, с. 82].

Альтернативу экономическому материализму как в социальной теории, так и в политической экономии Кареев видел в социологии как положительной науке об обществе. Марксизм, по сути, представлял собой один из вариантов редуционизма. Однако социология уже прошла этап редуцирующих теорий: физикализмом отличалось учение О. Конта, аналогию между обществом и организмом положил в основу своей теории Г. Спенсер, социология изжила биологическое и психологическое направления, из влияний природно-климатической среды выводил социальные отношения географический детерминизм и т. д. Теперь, полагал Кареев, пришла пора социологии заявить о себе как о синтезирующей (интегрирующей) и номологической науке. «Социология возникает в 1830-е гг. как проект “всеобъемлющей” или “универсальной” социальной науки, — пишут современные исследователи, — по отношению к которой другие социальные науки рассматриваются как частные дисциплины, имеющие дело с отдельными сферами общественной жизни или классами социальных явлений, но не с обществом как целым. Универсальный характер социологии истолковывался в субстанциальном смысле. Специфика социологии виделась в изучении эмерджентных характеристик взаимодействия между разными сферами общественной жизни, отношений между отдельными классами социальных явлений. Наряду с субстанциальным универсализмом в самообоснование социологии входило также представление о ее теоретико-методологической исключительности, согласно которому социология является единственной “теоретической” наукой: только социология устанавливает законы социальных явлений, тогда как другие социальные науки лишь описывают факты» [Козловский, Браславский, 2017, с. 225–226]. Социологическая точка зрения была воспринята и в науке о народном хозяйстве. Первым политэкономом, который принял учение позитивизма, был Д.С. Милль, состоявший в переписке с О. Контом. За ним последовали К. Книс, А. Шеффле, Д.К. Ингрэм и др. Говоря об «историческом повороте» в науках об обществе, Кареев имел в виду обращение социальных дисциплин к реальным фактам. Эмпирическое исследование должно быть дополнено номологическим обобщением, которое невозможно без абстрактно-дедуктивных заключений, т. е. теории. Роль такой теории и должна была взять на себя социология. «Природа эмпиризма, — уточняет М.И. Зверяков, — покоится на иллюзии, что сущность практической деятельности может быть раскрыта в описании экономических фактов, статистических данных или хозяйственных действий, а не в их критическом анализе. <...> Теория рассматривается с самого начала исследования как нечто противоположное эмпирическим фактам, которая стремится проникнуть в сущность предмета, т. е. уйти за пределы видимости. Понимание сущности экономических фактов с помощью теории дает возможность видеть внутреннюю связь между хозяйственными внешними формами. Эмпиризм отрицает признак “всеобщности”,

которым обладает теоретический взгляд на экономические факты, сковывает научную мысль теми свойствами и характеристиками изучаемого предмета, присущими для данных, но вместе с тем и ограниченных форм практики. Признак, по которому совершается сбор и анализ фактов, должен быть существенным для них, иначе их изучение не будет иметь никакого научного значения» [Зверяков, 2015, с. 8].

В «Общей методологии гуманитарных наук» Кареев рассматривает и оценивает социологию исключительно как теоретическую науку, выполняющую по отношению к другим наукам, в том числе политической экономии, функцию методологическую. Таким методом будет плюралистический, или метод многофакторности, уже показавший свою научную эффективность в историографии. Сложность и многоплановость общественных явлений не позволяет объяснять их, исходя из воздействия только одной причины, например, экономической деятельности, как в марксизме. Социальная реальность и своеобразие ее конкретно-исторических проявлений складываются из взаимодействия многих факторов: природной среды, внешнего окружения, состава населения и его психологических особенностей, хозяйственной деятельности, роли личности и т. д. Социология указывает на детерминированность народного хозяйства природными и культурными условиями, которые вкупе с психологическими мотивами человеческих поступков и будут причинами экономической деятельности. Из них политическая экономия, считает Кареев, и выводит свои «законы совокупного действия». Политическая экономия остается рациональной дисциплиной, точнее, исходит из предпосылки рационального поведения экономического человека, стремящегося к личной выгоде и извлечению прибыли. Экономический человек политэкономии является такой же абстракцией, как и трансцендентальный субъект классической философии. В начале XX в. в социологии уже обозначилась новая тенденция, которую Кареев упускает, продолжая мыслить в пределах мировоззренческих установок позитивизма. Социология все больше становилась наукой прикладной, изучающей не законы общественного развития, которые так и остались гипотетическими, а преобладающие в конкретном обществе и времени тенденции. Все большее значение для социологии стала приобретать не методологическая, а прогностическая функция. «Социология, — уточняет В.В. Козловский положение социологии в начале XX в., — приобрела общественно значимый статус как инструмент изучения и проектирования социального устройства, то есть легитимировалась как средство научного программирования общества» [Козловский 2008, с. 26].

Обращение Кареева к политэкономии было обусловлено как его историческими исследованиями, так и необходимостью обосновать методологический статус социологии, синтезирующей достижения прочих общественных дисциплин. Подход Кареева в «Общей методологии гуманитарных наук» и других его работах отличается противоречивостью и непоследовательностью, что видно на примере его анализа науки о народном хозяйстве. С одной стороны, он симпатизирует либеральным установкам английской политэкономии, а с другой стороны, как историк понимает ценность «историзма». Попытка согласовать историзм с либеральными ценностями была характерна для традиции отечественного консервативного либерализма [Куприянов, 2019]. Элементы историзма заметны у Кареева в его интересе к истории идей и учений, стремлении обозначить своеобразие гуманитарного знания, несмотря на признание единственности научной истины, образцом которой остаются естественные науки. Однако становление гуманитарных (социальных)

наук Кареев все же видит не в переносе методов естествознания, а в распространении исторической точки зрения. Для того чтобы стать наукой, социальным дисциплинам недоставало опоры на факты, что и дала им история. Он сознает опасность редуccionизма, в частности, представленного в экономическом материализме, и не боится заявлять об этом в «Общей методологии гуманитарных наук» (1923). Преодолеть редуccionизм, полагал он, способен плюралистический метод социологии, рассматривающий развитие общества в качестве производной множества факторов. В то же время социологическая точка зрения исходит из предпосылки универсальности пути социально-исторического развития, которая требует согласования и объяснения уникальности (историчности) ее конкретных проявлений. Отличительной чертой той формы мышления, которая сложилась в философии Нового времени, является то, что «целостность понимания особенного трактуется через открытие в акте мышления целого как горизонта, в котором исследуемые элементы приобретают смысл и определенность» [Иванов, Ноговицин, 2019, с. 213]. Иными словами, определенность любой конкретно-исторической формы задается включенностью ее в общую (универсальную) схему, в которой наравне с ней существуют и «другие», на фоне которых историческое явление обретает собственную определенность.

Ниже публикуются фрагменты шестой главы («Теоретические гуманитарные науки») рукописи Кареева «Общая методология гуманитарных наук». Стилистические особенности в текстах, особенности расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника. Сохранены подчеркивания и выделения в документе. Утраченные фрагменты обозначены многоточием в квадратных скобках [...], восстановленные публикаторами фрагменты даются в квадратных скобках [], сокращения документа, публикуемого не полностью, обозначены <...>.

Источники

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 119. К. 39. Д. 1. Введение. На 2 л. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 2. Понятие науки и классификация наук. Л. 1–29. § 1–53. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 3. Логические предпосылки всякой методологии. Л. 1–74. § 54–152. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 4. Гуманитарные науки, их классификация и методология. § 153–203. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 5. Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках. Л. 1–44. § 204–260. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 6. Научная работа в области исторических повторений. Л. 1–33. § 261–299. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 7. Глава 6. Теоретические гуманитарные науки. Л. 1–54. § 301–365. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 8. Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках. Л. 1–27. § 366–400. Черновой автограф.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 12. Л. 1–40. Первая корректура. Машинопись с рукописной правкой.

НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 13. Л. 1–40. Вторая корректура. Машинопись с рукописной правкой.

Литература

Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922–1924) // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.

Долгова Е.А., Малинов А.В. Логика методологии (к публикации «Логических предпосылок всякой методологии» Н.И. Кареева) // Социологическое обозрение. 2017а. Т. 16. № 3. С. 319–326.

Долгова Е.А., Малинов А.В. «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева // Вестник архивиста. 2017б. № 4. С. 236–247.

Иванов Н.Б., Ноговицин О.Н. [Рец.] А.Г. Погоняйло. Мышление и созерцание. Материалы к лекциям по истории философии. СПб.: Наука, 2017 (серия «Слово о сущем»). 582 с. // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 213–216. DOI: 10.31857/S004287440003634-2

Зверяков М.И. Об изменении предмета и метода политической экономии. Политическая экономия как наука о функционировании и развитии рыночной системы // Экономическая теория. 2015. Т. 12. № 4. С. 5–12.

Казанцев Ю.Ю. Исторический метод в политической экономии. Автореф. ... канд. эконом. наук. Кемерово: Б. и., 2004. 25 с.

Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 418 с.

Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Том V: История Западной Европы в средние десятилетия XIX века (1830–1867). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 914 с.

Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг.: Наука и школа, 1919. 210 с.

Козловский В.В., Браславский Р.Г. В.О. Ключевский как исторический социолог и теоретик цивилизации // В.О. Ключевский: воспоминания и исследования. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. С. 219–256.

Козловский В.В. Социологический диагноз как интегральная оценка культуры и общества // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX — начала XXI вв. Мат. всерос. науч. конф. / Под ред. В.В. Козловского. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 23–28.

Куприянов В.А. Европейский либерализм в зеркале политической философии И.А. Ильина // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 53–71.

Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / Под. ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2019. 399 с.

Пороховский А.А. Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 353–360.

Руткевич А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24–36.

Степанов В.Л. Идеи немецкой исторической школы в России (вторая половина XIX в. // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2 (5). С. 162–173.

Сорокин А.В. Политическая экономия и экономикс: один предмет, два метода // Вопросы политической экономии. 2015. № 3. С. 9–19.

Щеголевский В.А. Исторический и функциональный методы как приоритеты социально-исторического направления экономической мысли // Сегодня и завтра Российской экономики. 2011. № 49. С. 15–20.

Sociology and Science of Political Economy (According to the Materials of N.I. Kareev's Manuscript of "General Methodology of the Humanities")

EVGENIYA A. DOLGOVA

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: medievalis@list.ru

ALEXEY V. MALINOV

Saint Petersburg State University,
St Petersburg, Russia;
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

These article and publication of archival documents are dedicated to the place and significance of political economy in Nikolay I. Kareev's scientific heritage (1850–1931). Kareev's appeal to political economy was due to both his historical research and the need to justify the methodological status of sociology which synthesizes the achievements of other social disciplines. The positions of political economy are characterized by Kareev with phenomenological and nomological methodological approaches applied to the social Sciences. It is concluded that Kareev's approach is contradictory and inconsistent. On the one hand, he is sympathetic to the liberal attitudes of English political economy, and on the other hand, as a historian, he understands the value of "historicism" (the tradition of Russian conservative liberalism). Kareev is aware of the danger of reductionism represented in economic materialism. According to the scientist, the pluralistic method of the sociology considering the development of society as a derivative of many factors has the potential for overcoming it. The article is accompanied by the publication of a fragment of the sixth Chapter of the unpublished work by N.I. Kareev "General methodology of the Humanities". The text is published from Kareev's manuscript found in the research Department of manuscripts of the Russian state library.

Keywords: research of the national economy, political economy, positivism, scientific deduction, reductionism, economic materialism, multi-factorism.

References

Scientific research Department of manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB), f. 119, k. 39, d. 1: *Vvedeniye* [Introduction], l. 1–2, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 2: *Ponyatiye nauki i klassifikatsiya nauk* [The concept of science and classification of sciences], l. 1–29, § 1–53, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 3: *Logicheskiye predposylki vsyakoy metodologii* [Logical background of every methodology], l. 1–74, § 54–152, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 4: *Gumanitarnyye nauki, ikh klassifikatsiya i metodologiya* [Humanities, their classification and methodology], § 153–203, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 5: *Neposredstvennoye nabludeniye i konstatirovaniye faktov v gumanitarnykh naukakh* [Direct observation and statement of facts in humanities], l. 1–44, § 204–260, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 6: *Nauchnaya rabota v oblasti istoricheskikh povtoreniy* [Scientific research in the area of historical repetition], L. 1–33, § 261–299, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 7. *Glava 6: Teoreticheskiye gumanitarnyye nauki* [Chapter 6: Theoretical humanities], l. 1–54. § 301–365, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 8: *Normativnoye i prikladnoye znaniye v gumanitarnykh naukakh* [Normative and applied knowledge in humanities], l. 1–27, § 366–400, Draft autograph.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 12, l. 1–4, the first proofreading, typescript with handwritten correction.

NIOR RGB, f. 119, k. 39, d. 13, l. 1–4, the second proofreading, typescript with handwritten correction.

Dolgova, E.A. (2012). Iz istorii izdaniya raboty N.I. Kareeva “Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk” (1922–1924) [From the publication history by N.I. Kareev’s work “General methodology of the Humanities” (1922–1924)], *Vestnik arkhivista*, 1, 239–245 (in Russian).

Dolgova, E.A., Malinov, A.V. (2017a). Logika metodologii (k publikatsii “Logicheskikh predposylok vsyakoy metodologii” N.I. Kareeva) [Logic of methodology (to the publication of “Logical premises of any methodology” by Nikolay I. Kareev)], *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 16 (3), 319–326 (in Russian).

Dolgova, E.A., Malinov, A.V. (2017b). “Ponyat’ chuzhuyu dushu”: Fragmentsy iz neopublikovannogo truda istorika, sotsiologa, metodologa nauki N.I. Kareeva [“To understand someone else’s soul”: Fragments from the unpublished work of the historian, sociologist, and methodologist of science Nikolay I. Kareev], *Vestnik arkhivista*, 4, 236–247 (in Russian).

Ivanov, N.B., Nogovitsin, O.N. [Review] (2019). A.G. Pogonyajlo. Myshleniye i sozertsaniye. Materialy k lektsiyam po istorii filosofii. SPb.: Nauka (seriya “Slovo o sushchem”). 582 s. [A.G. Pogonyaylo. Thinking and contemplation. Materials for lectures on the history of philosophy. SPb.: Nauka, 2017 (series “The Word of Existence”). 582 s.], *Voprosy filosofii*, 1, 213–216. DOI: 10.31857/S004287440003634-2 (in Russian).

Kareev, N.I. (1897). *Vvedeniye v izucheniyе sotsiologii* [Introduction to the study of sociology], S.-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha (in Russian).

Kareev, N.I. (1916). *Istoriya Zapadnoy Evropy v Novoye vremya. Tom V: Istoriya Zapadnoy Evropy v sredniye desyatiletiya XIX veka (1830–1867)* [History of Western Europe in the middle decades of the XIX century (1830–1867)], Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha (in Russian).

Kareev, N.I. (1919). *Obshchiye osnovy sotsiologii* [General principles of sociology], Petrograd: Nauka i shkola (in Russian).

Kazantsev, Yu.Y. (2004). *Istoricheskiy metod v politicheskoy ekonomii. Avtoref... kand. ekonom. nauk* [Historical method in political economy], Kemerovo (in Russian).

Kozlovsky, V.V., Braslavsky, R.G. (2017). V.O. Klyuchevskiy kak istoricheskiy sotsiolog i teoretik tsivilizatsii [V.O. Klyuchevsky as a historical sociologist and theorist of civilization], in *V.O. Klyuchevsky: memoirs and research* (pp. 219–256), S.-Peterburg: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (in Russian).

Kozlovsky, V.V. (2008). Sotsiologicheskii diafnoz kak integral’naya otsenka kul’tury i obshchestva [Sociological diagnosis as an integral assessment of culture and society], in V.V. Kozlovsky (Ed.), *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX — early XXI centuries* (pp. 23–28), S.-Peterburg: Intersocis (in Russian).

Kupriyanov, V.A. (2019). Yevropeyskiy liberalizm v zerkale politicheskoy filosofii I.A. Il’ina [European liberalism in the mirror of political philosophy of I.A. Ilyin], *Filosofskiy polylog*, 2, 53–71 (in Russian).

Metodologiya istorii: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevskij, D.M. Petrushevskij, V.M. Khvostov [Methodology of history: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, D.M. Petrushevsky, V.M. Khvostov], Moskva: ROSSPEN (in Russian).

Porokhovskiy, A.A. (2019). Evolyutsiya predmeta i metoda politicheskoy ekonomii na zare tsifrovizatsii [Evolution of the subject and method of political economy at the dawn of digitalization], *Nauchnyye trudy vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 218 (4), 353–360 (in Russian).

Rutkevich, A.M. (2018). Istorizm i ego kritiki [Istorizm and its critics], *Voprosy filosofii*, 12, 24–36 (in Russian).

Stepanov, V.L. (2019). Idei nemetskoj istoricheskoy shkoly v Rossii (vtoraya polovina XIX v.) [Ideas of the German historical school in Russia (the second half of the XIX century)], *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2, 162–173 (in Russian).

Sorokin, A.V. (2015). Politicheskaya ekonomiya i ekonomiks: odin predmet, dva metoda [Political economy and Economics: one subject, two methods], *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 3, 9–19 (in Russian).

Schegolevskiy, V.A. (2011). Istoricheskiy i funktsional'nyy metody kak priority sotsial'no-istoricheskogo napravleniya ekonomicheskoy mysli [Historical and functional methods as priorities of socio-historical directions of economic thought], *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki*, 49, 15–20 (in Russian).

Zveryakov, M.I. (2015). Ob izmenenii predmeta i metoda politicheskoy ekonomii. Politicheskaya ekonomiya kak nauka o funktsionirovanii i razvitii rynochnoy sistemy [On changing the subject and method of political economy. Political economy as the science of the functioning and development of the market system], *Ekonomicheskaya teoriya*, 12 (4), 5–12 (in Russian).